

УДК: 001.32

DOI: 10.15372/PS20250607

END: HENYLT

А.М. Аблажей**СООТНОШЕНИЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ
И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В ИНСТИТУТАХ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕМЫ¹**

Исследование вопроса о соотношении фундаментальных и прикладных научных исследований выводит нас на важнейшую проблему современного отечественного науковедения, позволяя более адекватно оценить скорость и глубину трансформации российской практики научных исследований в контексте мировых трендов изменения научного ландшафта. Ключевой теоретической рамкой исследования стал широко обсуждающийся сегодня тезис об «эпохальном переломе» в развитии мировой науки. Резкий поворот в сторону практически ориентированного научного поиска в известном смысле противоречит базовым академическим ценностям, сформулированным в стенах классического университета. Показано, что на эмпирическом уровне первые точки напряженности в НИИ Новосибирского Академгородка были зафиксированы практически с самого начала рыночных реформ в науке. Далее на примере результатов ряда масштабных социологических исследований доказывается, что вынужденный переход ко все явной прикладной ориентации исследований достаточно болезненно воспринимался учеными, особенно старшего поколения. Многие из них трактовали это как

---

¹ Статья подготовлена на основе доклада, сделанного на межинститутском семинаре ИФПР СО РАН и Слб филиала ИИЕТ РАН «Между "чистой наукой" и "полезным знанием": социальные ожидания и эпистемологические реалии в российском и мировом контексте", состоявшемся 11 марта 2025 г.

измену делу истинной науки. Сделан вывод, что в отличие от зарубежной науки, для которой переход к неолиберальной науке происходил преимущественно эволюционным путем, в российских условиях речь шла о стремительном и болезненном, носившем шоковый характер, процессе вынужденной адаптации науки к новым условиям деятельности.

Ключевые слова: фундаментальные исследования, прикладные исследования, эпохальный перелом, реформирование науки, адаптация, постсоветская наука.

A.M. Ablazhey

**THE RATIO OF FUNDAMENTAL AND APPLIED RESEARCH
IN THE INSTITUTES OF THE SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES:
SOCIOLOGICAL ASPECTS OF THE TOPIC**

The purpose of the article is to record and analyze the change in the ratio of the share of fundamental and applied research in the research institutes of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. The study brings us to the most important problem of modern Russian science studies, allowing us to more adequately assess the speed and depth of transformation of Russian research practice in the context of global trends in changing the scientific landscape. The key theoretical framework of the study is the widely discussed thesis of an "epochal break" in the development of world science. A sharp turn towards a practically oriented scientific search in a certain sense contradicts the basic academic values formulated within the walls of a classical university. It is shown that at the empirical level, the first points of tension in the research institutes of the Novosibirsk Akademgorodok were recorded almost from the very beginning of market reforms in science. Further, using the example of the results of a number of large-scale sociological studies, it is proved that the forced transition to an increasingly applied orientation of research was perceived quite painfully by scientists, especially the older generation. Many of them interpreted this as a betrayal of the cause of true science. It is concluded that, unlike foreign science, for which the transition to neoliberal science occurred primarily through evolutionary means, in Russian conditions it was a rapid and painful process of forced adaptation of science to new conditions of activity, which was of a shock nature.

Keywords: fundamental research, applied research, epochal break, reform of science, adaptation, post-Soviet science.

Исследование вопроса о соотношении фундаментальных и прикладных научных исследований выводит нас на важнейшую проблему современного отечественного науковедения, позволяя более адекватно оценить скорость и глубину трансформации российской практики научных исследований в контексте мировых трендов изменения научного ландшафта. В данном случае таких как неолиберальная наука, эпохальный перелом, наука 2-го рода или академический капитализм.

Большинство исследователей согласны с тем, что политический, социальный и экономический контексты сегодня играют определяющую роль в том, как развивается современная наука. Л. Бляхер, например, справедливо отмечает, что «учёные... существуют в рамках конкретной социальной реальности, которая накладывает достаточно жёсткие рамки на их деятельность, определяет те характеристики социального института, которые будут задействованы в данных условиях». Более того, «сама [научная] проблема, её формулировка и структура исследовательской матрицы имеют социальную природу». (1, с. 85). Следует предположить, что подобная зависимость характерна также для структуры научных исследований, имея в виду соотношение, с одной стороны, сугубо теоретических, нацеленных прежде всего на *понимание*, исследований фундаментального характера, а с другой - практически ориентированных работ, нацеленных на решение актуальных технических или социальных проблем и нацеленных, таким образом, преимущественно на применение.

Тезис об «эпохальном переломе («epochal break») в сфере производства научного знания, который сегодня активно обсуждается в науковедческой литературе, исходит именно из того, что это соотношение сегодня стремительно меняется как раз в пользу прикладных исследований. Данной теме посвящено несколько крупных обобщающих работ, упомянем, например, такие как: «Science Transformed. Debating Claims of an Epochal Break» и «Science in the Context of Application»; есть также ряд историографических обзоров. В предваряющей коллективную монографию «Science transformed...» вводной главе, носящей характерное название «Наука после конца науки?», авторы отмечают: «Даже когда мы отмечаем юбилеи великих ученых и поднимаем тем самым пре-

стиж традиционного образа науки, мы ожидаем от современных исследований в первую очередь не поиска Истины, а решения *насуущных* проблем... Эволюционная биологии, неврология и теоретическая физика до сих пор вызывают интерес и любопытство, но самые востребованные результаты исследований в настоящее время находятся в сфере нанотехнологий, генной инженерии, биомедицинских исследований или синтетической биологии». [8, p. 2]

Важнейший вопрос заключается в том, какие цели ставит перед собой современная наука. По мнению зарубежных коллег, проводимые сегодня научные исследования представляют собой, как правило, «научно-исследовательскую деятельность с целью управления сложными социотехническими системами, без особых ожиданий на всеобъемлющее понимание» [8, p. 5]. Другими словами, удельный вес прикладной науки (applied science) в современных условиях постоянно увеличивается за счет сферы производства знания, носящего фундаментальный характер. В то время как большинство ученых по-прежнему видят свою главную задачу в «постижении сути вещей», считая это единственной целью, по настоящему достойной внимания и потраченных усилий, заказчик в лице общества, экономики (что больше характерно для западной науки) или государства (российский случай), напротив, выдвигает на первый план вполне прагматичную задачу получения знания, которое можно прежде всего эффективно применить. Понимание здесь, скорее, побочный и необязательный эффект: задача будет считаться успешно разрешенной, если окажутся успешными практические результаты внедрения. Одновременно подчеркивается мысль о том, что приоритет science application требует тщательного анализа новой исследовательской практики и последующего внедрения адекватных сегодняшним условиям способов контроля за результатами исследований, при безусловном отказе от идеи «чистой» науки.

Термин «эпохальный перелом» по отношению к современному этапу развития науки в данном случае вовсе не случаен. Резкий поворот в сторону практически ориентированного научного поиска в известном смысле противоречит базовым академическим ценностям, сформулированным в стенах классического университета. Ф. Рингер в своей книге весьма красноречиво пишет

об этом: Гумбольдт и его единомышленники «считали, что наука должна быть «чистой» или свободной» в том смысле, что никакие утилитарные соображения не должны диктовать ей свою волю... определяемый ими немецкий идеал академической свободы всегда формировался, по крайней мере отчасти, под влиянием того убеждения, что *Geist* (*познающий дух, сознание, интеллект* – *Авт.*) не должен покидать царство теории ради практики» (5, с. 138). И далее: «для многих немецких профессоров главным залогом «свободного» знания служила идея непрактичности – которая была своего рода заменой институциональных гарантий академической независимости». (5, с. 140). Таким образом, (вынужденная?) утрата стремления к свободному научному поиску и поворот к прагматизму означает, де-факто, отказ от идеала свободной науки. Другими словами, речь идет об изменении базовых основ научной профессии, носящем всеобъемлющий характер.

Важно подчеркнуть, что в европейской или американской науке явные признаки перехода к неолиберальным принципам построения научного предприятия наблюдались с начала 1980-х гг. Именно в это время были приняты Акт «Бай-Доула» и ряд других законодательных актов федерального и регионального масштаба, резко изменивших внешние условия существования американской науки (7, р. 666). Что касается России, то здесь начальной точкой следует считать, очевидно, 1992 г. – начало рыночных реформ и «шоковой терапии» науки.

Первые точки напряженности в НИИ Новосибирского Академгородка были зафиксированы практически с самого начала рыночных реформ, которые предполагали стремительное вхождение российского научного комплекса в общемировые тенденции. Результаты первых исследований в рамках реализации проекта социологического мониторинга академической науки в Сибири позволили зафиксировать достаточно быстрое изменение спектра проводимых исследований. По мнению сибирских ученых, «изменения затронули научные направления исследований лабораторий в виде увеличения числа практических разработок». И этот процесс оценивался скорее негативно. Фиксируя переориентацию на прикладные исследования, ученые выражали уверенность, что она «не должна осуществляться за счет фундаментальных

направлений, которые... имеют, несомненно, более высокую ценность». Кроме того, по мнению подавляющего большинства ученых, «фундаментальные направления исследований их лабораторий были перспективными». Важно подчеркнуть, что речь идет об исследователях с советским профессиональным менталитетом, важным элементом которого была нацеленность на фундаментальные аспекты науки, составлявшие, как они считали, ее суть. В этой связи отнюдь не случайно, что те же респонденты уверенно заявляли, что в случае отказа от приоритета фундаментальных направлений исследований в пользу прикладных «очень скоро они [фундаментальные заделы] могут быть утрачены полностью, а возродить из через 2-5 лет уже будет невозможно». (3, с. 9).

Тренд на изменение соотношения удельного веса фундаментальных и прикладных исследований в пользу последних продолжился и в последующие годы. Проведенное спустя два года теми же авторами исследование мнений руководителей научных подразделений различного ранга о текущих процессах в организации научных исследований это уверенно подтвердило - подавляющее большинство респондентов формулировали тезис о «радикальных изменениях в структуре научных исследований... лаборатории ориентируются на зарабатывание средств к существованию за счет прежде накопленного теоретического потенциала. То, что в такой деятельности ничего хорошего нет, особенно в дальней перспективе, понимают все, но приходится решать проблемы повседневного жизнеобеспечения, а не думать о дальних перспективах». (3, с. 41-42).

Проведенный в первой половине 1996 г. первый массовый опрос научных сотрудников НИИ Академгородка показал, что большинство из них (46 %) продолжали, по их собственному мнению, заниматься фундаментальными исследованиями, тогда как преимущественно прикладными разработками – только 27 %¹. В то же время, отвечая на вопрос о наиболее актуальных задачах, которые нужно решить российской науке, большинство говорило о необходимости более оптимального соотношения фундаментальных и прикладных исследований, а также оптимизации внед-

---

¹ Цифры взяты: А.А. Гордиенко, С.Н. Еремин, Ю.М. Плюснин. Социальные характеристики научного сообщества Новосибирского Академгородка. Новосибирск, 1997.

ренческой деятельности (трудности с практической реализацией научных разработок вообще были очень характерны для советской науки). Но тренд уже имел место и вынужденный переход ко все большей прикладной ориентации исследований достаточно болезненно воспринимался учеными, особенно старшего поколения. Многие из них трактовали это как измену делу истинной науки. Мы согласны с мнением Р. Бурнашева, который трактует спад интереса к фундаментальным исследованиям как явный симптом падения престижа науки в постсоветском обществе. Продолжая свою мысль, он считает, что снижение внимания к фундаментальным аспектам науки выразилось также в «почти полном невнимании к идеалам и нормам научного исследования, в том числе – к этосу науки» (Бурнашев, С. 109). На практике это выразилось в критичном отношении большинства ученых к процессам коммерциализации науки.

То, что переход к рыночным формам организации исследований будет означать радикальное изменение базовых принципов осуществления научной деятельности, подтвердили участники Всероссийского совещания «Российская наука: состояние и проблемы развития», состоявшегося осенью 1996 г. Тогдашний директор Института катализа (ныне – председатель СО РАН) В.Н. Пармон в своем выступлении произнес очень примечательные слова: «К сожалению (!), надо осознавать, что [речь идет] о существенной внутренней перестройке [академической] организации в ходе ее адаптации к рынку. Академическая организация, которая по серьезному переходит на колеса рыночной экономики, перестает быть обычной открытой научной организацией и становится фирмой (!)». (4, с. 151) Т.о., при переходе к рынку академические организации, особенно те, которые активно адаптировались к новым рыночным условиям деятельности, пережили очень серьезную внутреннюю перестройку и, как правило, безболезненную. В том числе это напрямую касалось вопроса о соотношении долей фундаментальных и прикладных работ в общем массиве проводимых научных исследований.

В последующие годы отмеченная тенденция постоянно усиливалась. Приведем краткие итоги сравнительного анализа мнений респондентов – научных сотрудников относительно выбора

приоритетов при проведении исследований. В качестве материала для сравнения были использованы результаты массовых опросов научных сотрудников академических институтов Новосибирского научного центра 2000 и 2004 гг. Для опроса 2000 г. в целом характерна негативная оценка текущей ситуации в науке. Оценивая сложившееся соотношение фундаментальных и прикладных исследований, половина опрошенных заявили, что ослабевают обе составляющие научного поиска. Лишь около 6 % респондентов согласились с утверждением, что усиливается ориентация на получение результатов фундаментального характера. Что касается прикладной направленности исследований, то более 18 % участников опроса были уверены в том, что она усиливается в ущерб работам фундаментального характера, еще 8 % также были согласны с тем, что сфера прикладных исследований усиливается, однако без ущерба для фундаментальных изысканий.

В то же время, оценивая состояние различных элементов научной деятельности в институте, в котором они работают, участники опроса 2000 г. самые высокие оценки поставили именно уровню фундаментальных исследований – 4,9 по 7-балльной шкале. (Выше оказались только оценки профессионального уровня исследователей - 5,7 балла). Уровень прикладных исследований и разработок оценивался существенно ниже: 4,4 и 4,22 балла соответственно. Другими словами, ситуация складывалась так, что несмотря на высокий (по мнению самих ученых) уровень фундаментальных работ и получаемых там результатов, институты были вынуждены направлять все большую часть средств и усилий на развитие прикладных направлений и их технологических приложений в виде прикладных разработок. При этом отметим, что уровень материально-технической оснащенности проводимых исследований оценивался крайне низко – лишь 2,7 балла, что резко сужало возможности получения конкурентоспособных результатов прежде всего прикладного характера¹.

В 2004 г. с утверждением о том, что наблюдается усиление сферы фундаментальных исследований, согласились лишь 4,5 %

---

¹ Цифры взяты: А.А. Гордиенко, С.Н. Еремин. Состояние и тенденции развития академического сообщества ННЦ 2000 г. Материалы социологического исследования. Новосибирск, 2001. 120 с.

опрошенных научных сотрудников, тогда как в случае с прикладными их было существенно больше – более 19 %. С тем, что прикладная направленность усиливается в ущерб фундаментальной, были согласны более 24 % респондентов. Наконец, самым популярным вновь стал вариант «ослабление характерно как для фундаментальных, так и прикладных направлений исследований» – почти 33 %. Таким образом, по мнению членов научного сообщества, тренд на развитие сферы прикладных исследований в ущерб фундаментальным постоянно усиливался. Одновременно наибольшая доля опрошенных нами исследователей по-прежнему настаивала на том, что негативный вектор развития характерен для всех составляющих научного поиска.

За прошедшие с момента предыдущего опроса четыре года практически не изменились оценки уровня развития различных сфер научных исследований. Результаты опроса 2004 г. показали, что по-прежнему высоко (4,9 балла из 7) оценивался уровень достигнутых результатов в области фундаментальных исследований. Немного уступали ему оценки уровня развития областей прикладных исследований (4,6) и разработок (4,3 балла). Степень практического применения полученных результатов также оценивалась заметно ниже – чуть более 3,5 баллов. На вопрос о том, имеются ли в их лаборатории фундаментальные результаты, соответствующие мировому уровню, почти 70 % опрошенных ответили утвердительно. Когда аналогичный вопрос был сформулирован относительно конкурентоспособных, но невостребованных прикладных разработок, положительный ответ дали лишь 39 % научных сотрудников¹.

К началу 2010-х гг. проблема постоянного снижения темпов фундаментальных исследований и перспектива утраты достигнутых теоретических заделов осознается уже очень четко. Напомним, что на тот момент сложились две типовые модели распределения средств, поступавших в академические НИИ на конкурсной основе (интеграционные и междисциплинарные проекты, гранты, хозяйственные договоры и пр.). Первую модель можно условно обозначить как федеративную: в рамках административно единого института существовали лаборатории (сектора, группы), обла-

---

¹ Цифры взяты из личного архива автора статьи.

давшие той или иной степени самостоятельности: (*«институт – как федерация различных направлений, которые друг с другом не конкурируют»*)¹. Зарабатываемые ими деньги, за исключением определённой доли (в разных институтах она была разной, но в целом колебалась вокруг цифры в 20 %), отдаваемой в общепитательную кассу и поступавшую, таким образом, в распоряжение руководства института, лаборатории распределяли самостоятельно, внутри себя. Очевидно, что в такой ситуации подразделения, получившие известную степень свободы, вынуждены были ориентироваться на проекты (прежде всего речь шла о хозяйственных), имевших весомый прикладной потенциал, постепенно расстранивая накопленный фундаментальный задел. Не случайно целый ряд руководителей разного ранга во время экспертных интервью говорили о необходимости специально поддержать сферу фундаментальных исследований – как задел на будущее, а также делились опытом, как это происходит в том институте, в котором работают. Как сказал один из респондентов, *«неправильным было всё время ориентироваться лишь на результат, без фундаментальных исследований не будет прикладных. Когда все поймут, что хватит уже эту часть сокращать»*.

Еще один важный момент – усиление социальной напряженности в рамках отдельных институтов, обусловленное появлением богатых и бедных подразделений как следствие крена в сторону прикладных исследований. Деление на «богатые» и «бедные» лаборатории зачастую повторяло разделение на «фундаментальщиков» и «прикладников», при вполне справедливом негодовании первых: ведь прикладные разработки, как правило, основаны на фундаментальных результатах, ставших так или иначе итогом исследовательских усилий всего коллектива института.

Проблемными становились межличностные отношения между членами одного академического коллектива: возникало чувство зависти, несправедливости, появились обиженные, «обойдённые» и пр. Многие учёные, особенно старшего поколения, воспринимали подобную ситуацию очень болезненно. Задача сглаживания возникающих конфликтов путём перераспределения

---

¹ Цитаты из интервью взяты из личного архива автора.

ресурсов (тех самых 20%) ложилась на учёный совет и дирекцию. Возникающие социальные проблемы сопровождались трудностями внедрения патентного права и усилением напряженности в сфере регулирования интеллектуальной собственности.

Вторую модель распределения ресурсов можно назвать унитарной: все зарабатываемые институтом деньги, в том числе по грантам и хоздоговорам, сосредотачивались в руках дирекции, которая при их распределении учитывала не только личный вклад ученого или лаборатории, но исходила из выработанной ею стратегии развития института, *своего* понимания того, как нужно распределить средства между подразделениями и отдельными людьми.

Увеличение доли внебюджетного финансирования, помимо отмеченной выше дифференциации доходов научных сотрудников в рамках одного учреждения, влекло за собой также рост интенсивности труда (*«люди работают без выходных и отпусков»*), и естественное падение значения традиционных, сугубо академических показателей успешности научной деятельности: *«у нас бывают крайности такие: если человек работает по контракту, у него зачастую не хватает времени на выполнение других работ – на написание статей. У него зарплата может быть достаточно высокой за счёт контракта, но за счёт других составляющих может понизиться»*. По сути, это могло означать, что для некоторой части научных работников наука реально становилась бизнесом и соответствующим образом оценивалась – прежде всего, по востребованности результатов в реальной экономике и величине получаемых доходов.

В условиях начавшейся в середине 2013 г. начала радикальной реформы РАН стремление отдельных руководителей науки быть в русле государственной научной политики выразилось в готовности и вовсе на какой-то период отказаться от фундаментальных исследований в пользу решения сугубо прикладных задач. В июльском 2013 г. интервью тогдашний председатель СО РАН А.Л. Асеев призвал не паниковать и *«коренным образом пересмотреть планы дальнейшей работы. В частности, отложить на будущее фундаментальную составляющую РАН и направить внимание на прикладную»*. По мнению академика, мы *«не отстаем от мировой науки в фундаментальных исследованиях, но уступаем*

в технологиях»¹. Несколько лет спустя А. Асеев конкретизировал свою мысль: «Не упуская из вида достижение прорывных результатов в фундаментальной науке, необходимо в полную силу заняться практически важными задачами государства, регионов и индустрии – сформировать программу действий, исходя из приоритетов, из «больших вызовов», обозначенных в Стратегии научно-технологического развития РФ... добиваться значимых результатов в научно-технической и технологических сферах»².

Приведенный выше тезис, безусловно, верен, вопрос состоит в том, как это возможно на практике. Между тем, как убеждены большинство ученых, без проведения фундаментальных исследований невозможно решить и прикладные задачи. Один из крупных физиков в интервью с автором данной статьи сформулировал это следующим образом: «Ученые очень хотят создать лекарство от рака и это абсолютно прикладная задача. Но без изучения того, как протекают процессы на клеточном уровне, не решив фундаментальных задач, мы не сможем решить и практические».

Произошедшая смена приоритетов при выборе направленности исследований ярко проявилась в ходе опроса аспирантов академических институтов Новосибирского Академгородка, состоявшегося в 2018 г. Лишь каждый пятый планировал заниматься преимущественно фундаментальными, в т.ч. теоретическими, работами, тогда как каждый третий – прикладными исследованиями и разработками. При этом почти половина опрошенных считали, что самые перспективные результаты могут быть получены на стыке фундаментальных и прикладных исследований³.

Подобные взгляды сегодня характерны в целом для мировой сферы научных исследований. Характеризуя современное состояние университетской науки, социальные исследователи в большинстве случаев настаивают на том, что как на групповом, так и индивидуальном уровне мы наблюдаем переплетение традиционных и современных академических норм, когда «различные виды исследова-

---

¹ Александр Асеев: шаг назад от пропасти. URL: <https://navigato.ru/stati/publication/aleksandr-aseev-shag-nazad-ot-propasti> (доступ 29.07.2025)

² А. Асеев. Время выбора. Апрельские тезисы. URL: www.sbras.ru/ru/news/38414 (доступ 29.07.2025)

³ Цифры взяты из личного архива автора.

тельской деятельности смешиваются и комбинируются на индивидуальном уровне, несмотря на различия между странами и академическими дисциплинами. Это не означает, что баланс между фундаментальными и прикладными исследованиями одинаков или что фундаментальные исследования не утратили своего главенствующего значения, но это означает, что фундаментальные исследования сохраняют центральное место в исследовательском мышлении большинства учёных... в подавляющем большинстве случаев [исследователи] объединяют эти виды деятельности». (6, р. 705)

Характеризуя скорость и глубину трансформации, которые пережила российская наука в течение последних десятилетий, есть все основания говорить, во-первых, именно о радикальном характере произошедших изменений, имея в виду прежде всего управление производством знания (имея в виду практики планирования, финансирования и оценки процесса научного производства). Во-вторых, в отличие от зарубежной науки, для которой переход к неолиберальной науке происходил преимущественно эволюционным путем, в российских условиях речь шла о стремительном и болезненном, носившем шоковый характер, процессе вынужденной адаптации науки к новым условиям деятельности. Одним из проявлений подобной адаптации стало ускоренная трансформация ландшафта научного поиска, что выразилось в изменении соотношения удельного веса фундаментальных и прикладных исследований в пользу последних.

Литература

1. Бляхер Л.Е. «Он нас посчитал», или о поисках новой востребованности науки // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 4. С. 83-86.

2. Бурнашев Р.Р. Наука после СССР: от диктатуры идеологии к диктатуре бюрократии // Конформизм vs свобода в личностном, социальном и культурном измерении: поиски внутреннего мира и общественного согласия (от советского опыта – к реалиям современности). Сборник материалов международной научно-практической конференции. Уфа, Инеш, 2021. С. 106-112.

3. Гордиенко А. А. Плюснин Ю.М. Научное сообщество Академгородка в период трансформации общественной жизни России: социаль-

но-психологический аспект: мониторинг социально-психологического состояния научных коллективов ННЦ в 1992–1995 гг. Новосибирск : Новосибирский городской центр занятости населения, 1995. 60 с.

4. *Пармон В.Н.* Наука и рынок – проблемы адаптации (на примере Института катализа и каталитических технологий) // *Российская наука: состояние и проблемы развития.* Всероссийский семинар, 19 – 21 сентября 1996 г. Новосибирск, 1996. С. 146-159.

5. *Рингер Ф.* Закат немецких мандаринов. Академическое сообщество в Германии, 1890 – 1933. М., НЛО, 2008.

6. *Bentley P., Gulbrandsen M., Kyvik S.* The relationship between basic and applied research in universities. *Higher Education. The International Journal of Higher Education Research.* 2015, No. 70. P. 689–709.

7. Lave R., Mirowski Ph., Randalls S. Introduction: STS and Neoliberal Science. *Social Studies of Science.* 2010. No. 40 (5). P. 659–675.

8. *Science Transformed? Debating Claims of an Epochal Break.* A. Nordmann, H. Radder, G. Schiemann (eds.). University of Pittsburg Press. 2011.

9. *Schiemann G.* Development of Science? A Critique of the “Epochal-Break-Thesis”// *Science in the Context of Application.* M. Carrier, A. Nordmann (eds). Boston, 2011. P. 431-453.

References

1. *Blyakher, L. E.* (2018). «On nas poschital», ili o poiskah novoj vstrebovannosti nauki [He counted us,” or about the search for a new relevance of science]. *Regionalistika [Regional Studies]*, Vol. 5, No. 4, 83–86.

2. *Burnashev, R. R.* (2021). Nauka posle SSSR: ot diktatury ideologii k diktature bjurokratii [Science after the USSR: From the dictatorship of ideology to the dictatorship of bureaucracy]. In: Frolova I.V. (ed.) *Konformizm vs svoboda v lichnostnom, social'nom i kul'turnom izmerenii: poiski vnutrennego mira i obshhestvennogo soglasija (ot sovetского опыта – k realijam sovremennosti).* Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. [Conformism vs freedom in personal, social, and cultural dimensions: The search for inner peace and social harmony (from Soviet experience to modern realities)]. Proceedings of the international scientific-practical conference]. Ufa, Inesh, 106–112.

3. *Gordienko, A. A., & Plyusnin, Yu. M.* (1995). Nauchnoe soobshhestvo Akademgorodka v period transformacii obshhestvennoj zhizni Rossii: social'no-psihologicheskij aspekt : monitoring social'no-psihologicheskogo sostojanija nauchnyh kolektivov NNC v 1992–1995 gg. [The scientific community of Akademgorodok during the transformation of Russian public life:

A socio-psychological aspect. Monitoring the socio-psychological state of scientific teams of the NNC in 1992–1995]. Novosibirsk. 60 p.

4. *Parmon, V. N.* (1996). Nauka i ryok – problemy adaptacii (na primere Instituta kataliza i kataliticheskikh tehnologij). In: Rossijskaja nauka: sostojanie i problemy razvitija. Vserossijskij seminar, 19 – 21 sentjabrja 1996 g. [Science and the market – Problems of adaptation (the case of the Institute of Catalysis and Catalytic Technologies)]. In Russian science: State and development problems. Proceedings of the All-Russian seminar, September 19–21, 1996. Novosibirsk, 146–159.

5. *Ringer F.* (2008). Zakat nemeckih mandarinov. Akademicheskoe soobshhestvo v Germanii, 1890 – 1933. [The Decline of the German Mandarins. The German Academic Community, 1890 – 1930]. M., NLO, 648 p.

6. Bentley P., Gulbrandsen M., Kyvik S.. The relationship between basic and applied research in universities. Higher Education. The International Journal of Higher Education Research. 2015. 70. P. 689–709.

7. Lave R., Mirowski Ph., Randalls S. Introduction: STS and Neoliberal Science. Social Studies of Science. 2010. 40 (5). P. 659–675.

8. Science Transformed? Debating Claims of an Epochal Break. *A. Nordmann, H. Radder, G. Schieman* (eds.). University of Pittsburg Press. 2011. 240 p.

9. *Schieman G.* Development of Science? A Critique of the “Epochal-Break-Thesis”// Science in the Context of Application. *M. Carrier, A. Nordmann* (eds). Boston, 2011. P. 431-453.

Информация об авторе

Аблажей Анатолий Михайлович – Институт философии и права СО РАН, (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8).
ablazhey63@gmail.com

Information about the author

Ablazhey Anatoly Mihailovich – Institute of Philosophy and Law (8, Nikolaeva St., Novosibirsk, 630090, Russia).
ablazhey63@gmail.com

Дата поступления 17.07.2025

Принята к публикации 23.12.2025